

ДАРЬЯ СЕРГЕЕВНА КУНИЛЬСКАЯ

аспирант кафедры классической филологии филологического факультета, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Российская Федерация)

dkunilskaya@yandex.ru

АНТИЧНАЯ И ХРИСТИАНСКАЯ ТРАДИЦИИ В РОМАНЕ «ОДИССЕЙ ПОЛИХРОНИАДЕС» К. Н. ЛЕОНТЬЕВА*

Рассматривается вопрос о взаимодействии античной и христианской традиций в романе К. Н. Леонтьева «Одиссей Полихрониадес». Концепция положительного исключительного героя писателя исследуется в контексте двух культурных традиций. Анализируется авторское восприятие античной традиции: она связывается с христианским осмыслением, выступает как часть воплощения идеального начала. Поэтика идеального в романе соотносится, таким образом, с религиозными взглядами мыслителя. Античная традиция представлена в общей панэстетической установке художественного произведения. Противопоставление двух традиций в тексте обнаруживает себя в оппозиции «икона – картина». Особо отмечается связь христианской и античной традиций: в художественном пространстве романа ««Одиссей Полихрониадес» К. Н. Леонтьева подобное взаимовлияние двух традиций оказывается важнее противопоставления. Делается вывод о взаимовлиянии двух культурных идеалов, проявляющемся в формировании поэтики романа «Одиссей Полихрониадес».

Ключевые слова: античная традиция, христианство, идеальный герой

Тема пересечения античной и христианской традиций в каком-либо произведении русской литературы не является новой, однако актуальности своей не теряет. Это всегда особый сюжет, представляющий огромный интерес для филолога. Иллюстрацией нашей мысли может послужить творчество К. Н. Леонтьева (1831–1891). Мы обратимся к малоизученному наследию мыслителя – его художественным произведениям. Важно отметить, что сам автор наряду с известной работой «Византизм и славянство» лучшей своей «вещью» признавал большой роман «Одиссей Полихрониадес» (1873–1878)¹. Роман входит в цикл «Из жизни христиан в Турции» (1868–1882), в нем повествуется о загорском юноше Одиссее (в фокусе повествования – один год из его жизни).

В свете истории создания романа становится интересным особое совмещение античной и христианской традиций в тексте. С одной стороны, в романе, безусловно, силен элемент дидактизма, учительства. О. Л. Фетисенко отмечает особый колорит, благочестивую атмосферу, которая царит на его страницах: «В романе все – впервые так явно у Леонтьева – пронизано мыслью о Промысле Божием...» [10: 104]. С другой стороны, в романе сама действительность греческого быта, эстетически преобразованная, отсылает нас к античной традиции. Этот факт не ускользнул от исследователей, писавших о цикле. Отец С. Булгаков описывал греческий мир как «великолепные полотна с картинами восточной жизни» [3: 377], стихией Леонтьева называл языческую его «чувственность, с которой он влюблен был в мир форм безотносительно к их моральной ценности» [3: 378]. Резкое противопоставление двух культурных традиций находит свое отражение

в воплощении идеального начала. Безусловно, мы отнесем сюда особый тип положительного героя Леонтьева.

В романе идеальным героем становится русский консул Александр Благов: он производит большое впечатление на греческого юношу. Образ Благова в художественном пространстве романа раскрывает тип исключительного героя Леонтьева – «более изящного», «более героического»². Данный характер в романе разрабатывается в легендарном контексте. Благов появляется в воспоминаниях Одиссея. Греческий юноша согласно авторской воле моделирует образ русского консула по-своему: для юного Одиссея Благов – безусловный герой. Положительное начало в Благове выражается прежде всего его охранительной деятельностью. Он становится действительным герическим защитником притесняемых греков: в его действиях проявляется сила исключительного героя. Образ Благова воплощает идеал Леонтьева, в котором форма отражает (выражает) внутреннее содержание: «Форма вообще есть выражение идеи, заключенной в материи (содержании)³. Сила, согласно Леонтьеву, придает форму положительному направлению: «Надо крепить себя, меньше думать о *благе* и больше о *силе*. Будет сила, будет и кой-какое благо, возможное»⁴ [4]. Интересно отметить семантическое сближение слов «вера» (Благов является защитником веры православной среди иноверцев – мусульман) и «верность». ««Вера» и «верность» – одно и то же, – отмечал С. С. Аверинцев. – Выраженная в сакральном знаке “тайна” есть в христианской системе идей <...> военная тайна, сберегаемая от врагов. На место мистериально-гностической оппозиции

“посвященные-непосвященные” заступает совсем иная оппозиция: “соратники-противники”; в число последних включены “враги зримые и незримые” – люди и бесы. Для онтологического нейтралитета не остается места” [2: 130]. Образ идеального героя вводит в роман мотив борьбы, битвы, который присутствует в художественных произведениях Леонтьева разных периодов⁵.

В романе воинственность переосмыслается онтологически, мотив войны сопряжен с темой невидимой браны. Взрослый Одиссей, размышляя о патриархальности, преемственности греков, сравнивает повседневную жизнь людей с полем битвы: «И разве не во всеоружии того бранного доспеха, которым одеть и покрыть нас может одно лишь учение церковного аскетизма (ибо оно не от мира сего), должны мы выходить на шумное состязание этой всюду сияющей и вечно томительной жизни мирской?» [1: 320]. Образ «обворожительного и лживого идеала» [1: 320] из стихотворения А. С. Пушкина «В начале жизни школу помню я...» (1830) (аллюзия на эту цитату появляется в приведенной выше речи Одиссея) символизирует искушения и страсти обыденной жизни. Этот идеал требует от человека постоянного сопротивления. Ему противопоставляет Одиссей Закон, то есть истинное христианство (взрослый Одиссей называет себя приверженцем истинного христианства, «которое иные зовут “мистическим”, без всякого прямого отношения к земному блаженству всего рода человеческого» [1: 244]⁶).

Описывая приемную консула, Одиссей отмечает интересную деталь: «В углу висела икона Спасителя, кроткий лик, светлый, молодой и, однако, еврейский; икона была вся в золоте и почернелом серебре... <...> А на другой стене, между дверцами резных шкапов, висела одна только большая картина: три полуобнаженных женщины, полные, все белокурые и по-моему не очень красивые, стояли и сидели под тенистым деревом» [1: 314–315]. Резкое противопоставление изображений создает в тексте напряжение, возникающее между двумя культурными традициями, а расположение (напротив друг друга) порождает особый визуальный ряд. Читатель «видит» всю обстановку вместе с Одиссеем – акцентируется зрительный аспект восприятия⁷.

Полотно «Суд Париса» в покоях русского консула олицетворяет античную традицию, шире – языческое начало, по аналогии, икона является начало христианское, православное.

Способ представления иконы в художественном произведении оригинален: нигде в тексте объемного романа не упоминается о молитвенном предназначении иконы. Леонтьев полагал, что разница между религиозным чувством греков и русских достаточно велика. Если для «русского поэта» религия – «икона древняя полустертая, пред которой в ночи горит лампада

болезненной любви», то для грека это «хоругвь торжественная»⁸. Сокровенность русского восприятия христианства в романе передана образу идеального консула. Одиссей, вспоминая сцену ожидания танцовщицы Зельхи, выразительно описывает поведение Благова. В минуту отчаяния консул «разглядывает образ Спасителя в углу». Дальше следует описание самого консула, каким он виделся Одиссею: «Теперь я видел ясно его строгий профиль, его немного длинный и жесткий выражением подбородок!» [1: 786]. Герой Благова очень мало характеризуется автором через слово: он показан глазами Одиссея. Значимость визуальной доминанты раскрывает сам Леонтьев, считавший, что «картины в жизни <...> не просто картины для удовольствия зрителя; они суть выражение какого-то внутреннего, высокого закона жизни»⁹. В описании вышеуказанной сцены подчеркивается благородный вид консула («заложив руки за спину, но все так же гордо <...> все так же твердо ступал он»), его одежда («сирийский бурнус с золотыми затканными пальмами») [1: 786]. Идеализация образа Благова доводится до предела: возникает эффект пластиичности всей представленной картины. Именно эта сцена знаменует точку наивысшего напряжения, которое создают две традиции – христианская и языческая. Пластиичность «как тип духовной жизни» «дарует небывалую красоту в искусстве, всю эту благородную, величавую блаженно-равнодушную, холодноватую и чуть-чуть меланхолическую античную скульптуру» [7: 88]. В красоте идеального героя Леонтьева невозможно не отметить некоторое отвлеченное начало, о чем говорит и сам Одиссей, наблюдающий за своим наставником.

Одиссей видит Благова в непривычном для него свете: «Он хотел быть красивее, он хотел понравиться, хотел, чтобы не одно золото... <...> И чем благороднее был его вид, тем стыднее и даже страшнее мне становилось за него, когда я думал, как жестоко отомстила ему за меня эта Зельха! <...> она отвергала его самого и бежала ко мне...» [1: 785–786]. Происходит развенчание утрированной идеальности героя: Благов, который и в убийце видит нечто прекрасное¹⁰, в конце романа предстает униженным, отвергнутым. Обратим внимание на характеристику, данную Одиссеем на следующий день после увиденной сцены: консул был «светел, ровен и тих» [1: 790]. Впервые в тексте романа исключительный герой является не гордое героическое начало, скорее, можно указать на обратное – принципиальное снижение художественного образа. Благов перестает быть идеальным героям для Одиссея, консул уезжает из города. В свою очередь загорский юноша становится купцом, влиятельным членом патриархального греческого общества. Одиссей надевает европейское платье и по настоюнию отца едет в греческое село взимать долги

со своих соотечественников, становится деловым человеком: «Я был купец, я был “мошенник, изверг” <...> я был тем Понтикопеци, которого Благов так безжалостно изгнал лишь одним манивением руки...» [1: 809]. Таков эпилог романа, оставшегося незавершенным.

Резюмируя, скажем еще раз: идеальное начало Леонтьева воплощено отнюдь не только в самом образе Александра Благова. Живое благочестие самобытной патриархальной культуры, положительная религия, охранительное начало – все эти идеи Леонтьев транслирует через образы греческих героев. Античная традиция представлена иначе – в общей панэстетической установке¹¹. Интересно то, как воспринимается античность героями романа. Во-первых, не подвергается сомнению самый факт существования античных богов (согласно церковной традиции они предстают демонами). Не являются демоны человеку по его маловерию, потому что «явись маловерному человеку или безбожному демон воочию... и пойми он, что это демон, он после этого станет верить всему добруму крепче» [1: 321]. Леонтьев в письме к И. И. Фуделю (6 июля 1888 года) вспоминает ответ духовника-монаха на вопрос «отчего государственно-религиозное падение Рима при всех ужасах <...> имело в себе, однако, так много неотразимой поэзии, а современное демократическое разложение Европы так некрасиво, сухо, прозрачно?»: «Бог – это свет, и духовный, и вещественный, свет чистейший и неизбира-

емый... Есть ложный свет, обманчивый. Это свет демонов, существ, Богом же созданных, но уклонившихся, как вам известно. Классический мир и во время падения своего поклонялся хотя и ложному свету языческих божеств, но все-таки свету... А современная Европа даже и демонов не знает. Ее жизнь даже и ложным светом не освещается¹². Символика света в христианстве очень сложна. Согласно Дионисию Ареопагиту, «красота боголепная, неразложимая, благая <...> не терпит никакого смешения ни с каким неподобием; и все же она способна уделять каждому, по достоинству его, долю некоего света и каждого приводить <...> к созвучию с лицом своим неизменяемым» [5: III, 1–2]. С этой точки зрения преображающий свет¹³ соотносится с каждым божественным творением. Благов неслучайно кажется Одиссею «светлым, тихим, покойным», потому что «страстные силы души оказываются не умерщвленными, но преображенными», а благодатное состояние распознается «как радость, мир, внутреннее тепло, свет» [8: 169].

Античная традиция в романе «Одиссей Полихрониадес» связана, таким образом, с ее христианским осмысливанием. В свете традиции православной античность в тексте выступает как часть воплощения идеального начала. Соответственно, своеобразный симбиоз двух вышеназванных традиций воплощает то идеальное начало, которое выразил К. Н. Леонтьев в своем художественном произведении.

* Статья издается в рамках реализации комплекса мероприятий Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012–2016 гг. по подпроекту «SCANDICA: культурные конвергенции».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Леонтьев К. Н. Избранные письма. 1854–1891. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. С. 70.

² О Благове К. Н. Леонтьев высказывает следующим образом: «А молодого русского консула – светского человека и художника по натуре, которого многие любят в книге и которого я сам люблю – изобразить трудно по противоположной причине: слишком легко впасть в безличную идеализацию своих собственных хороших чувств, приятных воспоминаний и даже некоторых из тех хороших свойств, которые автор знал и сознавал в самом себе». Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2003. Т. 6 (1). С. 73–74.

³ Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2005. Т. 7 (1). С. 382.

⁴ Там же. С. 436.

⁵ См., например: «Необходимо страдание и широкое поле борьбы. <...> Я сам готов страдать, и страдал, и буду страдать <...> И не обязан жалеть других рассудком <...> Идеал всемирного равенства и покоя? Избави Боже!» Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2000. Т. 2. С. 152.

⁶ Понятие «истинного христианства» значимо для К. Н. Леонтьева. Он возвращается к нему неоднократно, поясняя, что вмешает в себя данное определение. См., например: «Знание истинного духа Христианства ныне так мало распространено! <...> Нельзя, принимая святость Евангелия и божественность Христа, отвергать одно место в книге и выбирать по вкусу другие. <...> Религия всепрощения; – да! – Но вместе с тем и религия самобичевания, покаяния, религия не только неумолимой строгости к себе, но и разумной строгости к другим». Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2005. Т. 7 (1). С. 144.

⁷ Свящ. И. Фудель, вспоминая друга-учителя, раскрывал особенность творчества Леонтьева: «К. Леонтьев есть прежде всего художник мысли, как он сам часто любил называть себя. Он мыслит образами, и яркие картины, которые могли бы служить хорошей иллюстрацией доказанной мысли, очень часто заменяют ему всякие логические доказательства» [9: 160].

⁸ Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2005. Т. 7 (1). С. 471.

⁹ Цит. по: Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2006. Т. 7 (2). С. 588.

¹⁰ Вот как Благов отзывается о турецком убийце православных греков: «Я сначала выписал бы из Италии живописца, чтобы снять с него портрет, а потом повесил бы его...» [2: 183].

¹¹ «Эстетические категории (красота, гармония, мера) в античные времена считались не только характеристикой и этапом произведения искусства или явления природы, но и формообразующими принципами как природы в целом (космос), так и общественной жизни (полис). По этой причине совокупный комплекс эстетики не представлял собой в античности нечто замкнутое и обособленное <...>. Эстетика // Словарь античности: Пер. с нем. / [Сост. Й. Ирмшер в сотрудничестве с Р. Йоне]. М.: Прогресс, 1989. С. 665–666.

¹² Леонтьев К. Н. Избранные письма. 1854–1891. СПб.: Пушкинский фонд, 1993. С. 391.

¹³ См: [8: 163–177].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Леонтьев К. Н. Полн. собр. соч. и писем: В 12 т. СПб.: Издательство «Владимир Даль», 2002. Т. 4. 1048 с.
2. Аверинцев С. С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997. 343 с.
3. Булгаков С. Н. Победитель-побежденный // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 1. СПб.: РХГИ, 1995. С. 376–392.
4. Диакон Михаил Желтов, Лукашевич А. А. Событие обретения св. Креста // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. Т. IX. С. 160.
5. Дионисий Ареопагит. О божественных именах, о мистическом богословии. СПб.: Глаголь, 1995. 369 с.
6. Иваск Ю. П. Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 2. СПб.: РХГИ, 1995. С. 229–686.
7. Лосев А. Ф. История античной эстетики (ранняя классика). М.: Высшая школа, 1963. 584 с.
8. Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви: Догматическое богословие. М.: Центр «СЭИ», 1991. 288 с.
9. Протоиерей Иосиф Фудель. Культурный идеал К. Н. Леонтьева // К. Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 1. СПб.: РХГИ, 1995. С. 160–180.
10. Фетисенко О. Л. Гептастилисты. Константин Леонтьев, его собеседники и ученики: (Идеи русского консерватизма в литературно-художественных и публицистических практиках второй половины XIX века – первой четверти XX века). СПб.: Пушкинский дом, 2012. 784 с.
11. Хоружий С. С. К феноменологии аскезы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://azbyka.ru/dictionary/01/horuzhiy_k_fenomenologii_askezy_01_all.htm (дата обращения 05.08.2016).

Kunil'skaya D. S., Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)

ANTIQUE AND CHRISTIAN TRADITIONS IN THE NOVEL “ODYSSEUS POLICHRONIADES” BY K. N. LEONTIEV

The article deals with the interplay of antique and Christian traditions in the novel “Odysseus Polichroniades” written by K. N. Leontiev. The writer’s concept of the positive character is presented in the context of these cultural traditions. The conducted study helped to reveal existing links between antique traditions and Christian comprehension of the classical heritage. Thus, the ancient model is a part of the perfect representation of the Greek world. In this way, poetics of the ideal agree with K. N. Leontiev’s religious views. His Orthodox ideas, such as godliness of patriarchal culture, are transmitted to Greek characters in “Odysseus Polichroniades”. The antique influence manifests itself in the aesthetics of the novel. The struggle of these traditions is more evident in the opposition «icon-picture». The essential link between Christian and ancient traditions is studied in the article. Their close interconnection becomes more important than their controversy. The effect of their mutual influence of the two cultural ideals is revealed in poetics of the novel “Odysseus Polichroniades”.

Key words: antique tradition, Christianity, the “ideal” character

REFERENCES

1. Leont'ev K. N. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: V 12 tomakh* [Complete Works in Twelve Volumes]. St. Petersburg, Vladimir Dal' Publ., 2002. Vol. 4. 1048 p.
2. Averintsev S. S. *Poetika rannevizantiskoy literatury* [The poetics of early Byzantine literature]. Moscow, Coda Publ., 1997. 343 p.
3. Bulgakov S. N. The victor – the beaten [Pobeditel’-pobezhdenny]. K. N. Leont'ev: pro et contra. Vol. 1. St. Petersburg, RKhGI Publ., 1995. P. 376–392.
4. Diakon Mikhail Zhel'tov, Lukashovich A. A. The event leading the gain of St. Cross [Sobytie obreteniya sv. Kresta]. *Pravoslavnaya entsiklopediya*. Moscow, Tserkovno-nauchnyy tsentr “Pravoslavnaya entsiklopediya” Publ., 2005. Vol. 5. P. 160.
5. Dionisiy Areopagit. *O bozhestvennykh imenakh, o misticheskem bogoslovii* [About the divine names, about the mystical theology]. St. Petersburg, Glagol' Publ., 1995. 369 p.
6. Ivask Yu. P. Konstantin Leontiev (1831–1891). The life and the works [Konstantin Leont'ev (1831–1891). Zhyzni i tvorchestvo]. Leont'ev: pro et contra. Vol. 2. St. Petersburg, RKhGI Publ., 1995. P. 229–686.
7. Loshev A. F. *Istoriya antichnoy estetiki (rannaya klassika)* [The history of the antique aesthetic (the early classic)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1963. 584 p.
8. Losskiy V. N. *Ocherk mysticheskogo bogosloviya Vostochnoy Tserkvi: dogmaticheskoe bogoslovie* [The essay of the mystical theology of the Eastern Church: the Dogmatics]. Moscow, Tsentr “SEI” Publ., 1991. 288 p.
9. Protoierey Iosif Fudel'. The cultural ideal of K. N. Leontiev [Kul'turnyy ideal K. N. Leont'eva]. Leont'ev: pro et contra. St. Petersburg, RKhGI Publ., 1995. P. 160–180.
10. Fetisenko O. L. *Geptastilisty. Konstantin Leont'ev, ego sobesedniki i ucheniki: (Idei russkogo konservativizma v literaturno-khudozhestvennykh i publitsisticheskikh praktikakh vtoroy poloviny XIX veka – pervoy chetverti XX veka)* [Geptastilisty. Konstantin Leontiev, his interlocutors and follower (The ideas of the Russian conservatism in the work of art and the journalism of the latter half of the 19th – the first quarter of the 20th century)]. St. Petersburg, Pushkinskiy Dom Publ., 2012. 784 p.
11. Khoruzhiy S. S. *K fenomenologii askezy* [To the phenomenology of asceticism]. Available at: http://azbyka.ru/dictionary/01/horuzhiy_k_fenomenologii_askezy_01-all.htm (accessed 05.08.2016).

Поступила в редакцию 31.10.2016